

А. А. Коряковцев

И. БРОДСКИЙ — ПОЭТ ОТСУТСТВИЯ?

Речь в этих заметках пойдет о мировоззрении поэта, выраженном посредством поэтических образов. И коль скоро это мировоззрение определяет многие другие (если не все) стороны творчества И. Бродского, то его условно можно назвать «философией», если под этим иметь в виду общий метод связи идей. Хотя сам поэт, конечно, философских систем не созидал и логической строгостью и четкостью употребляемых понятий не отличался, да и не ставил перед собой таких задач.

Широко распространено мнение, что И. Бродский — поэт отсутствия, неучастия, отстраненности. Читатель, даже поверхностно ознакомившись с его произведениями, особенно поздними, ощутит особую эмоциональную «холодность», «математичность» его текстов. Если позволительно провести здесь музыкальную параллель, то эта «холодность» сродни не джазу, которому, как известно, симпатизировал поэт, а скорее многим «амбиентам» Брайана Ино или Роберта Фриппа. И читатель не ошибется: действительно, в этом проявился не только его художественный метод, но и жизненная стратегия, из которой выростал и которую подтверждал этот метод.

Читая И. Бродского, невозможно сразу сказать, к какой эпохе или к какому обществу он принадлежит. Зато сразу видно: это глубоко несоветский и нерусский по своему менталитету и по своим эмоциям поэт. Слишком опосредованы, объективированы его переживания. Слишком сильна у него тяга к свободе от «целого», которое для него всегда чужое. (Эта мысль выражена в стихотворении 1986 г. «Только пепел знает, что значит сгореть дотла...».)

Благодаря этому свойству своего художественного мира Бродский стоит особняком во всей русской культуре. В ней невозможно отыскать другого такого литератора, который бы с такой последовательностью и совершенно сознательно изго-

нял из своего творчества национальное начало. И это справедливо по отношению не только к какому-то определенному периоду его художественной эволюции, нет, это свойство стало проявляться уже в ранних его стихах. И связанных с этими стихами поступках, таких как, например, согласие на нелегальную публикацию за рубежом, что отсекало путь в официальную советскую литературу.

Но И. Бродский — не только «нерусский» и «несоветский» поэт. Оценка его творчества, ограничивающаяся только этой констатацией, была бы однобокой. К ней необходимо добавить, что он также поэт и не а м е р и к а н с к и й , н е е в р о п е й с к и й и н е е в р е й с к и й . А если сказать короче, беспочвенность у него — в каждой строчке. Настоящий творец (включая, по видимому, и Бога, ибо какой творец подлиннее его?), по его мнению, всегда вне социальной среды, вне национального измерения этой среды, какая бы она ни была.

Но что такое эти отсутствие, неучастие, отстраненность? Исчерпывается ли содержание его поэзии простой отрицательностью?

Для того чтобы правильно понять поэтическую философию И. Бродского, мы должны иметь в виду такую особенность общественного сознания его эпохи, как и д е о л о г и ч е с к у ю с у б л и м и р о в а н н о с т ь . Это означает выражение тех или иных смыслов через значения, которые в предыдущие времена представлялись противоположными им [подробнее об этом см.: Коряковцев, 1999, 58—59; Вискунов]. Так, например, инакомыслие советскими диссидентами проявляется нередко в религиозных формах, а идейный догматизм, в свою очередь, в то время рядился в светское инакомыслие.

Вот и И. Бродский в ответ на призывы советских чиновников от литературы, обращенные советским писателям, участвовать своим творчеством в общественной жизни страны декларирует и реализует на практике бегство из внешнего социального мира, пусть в начале это бегство ограничивается только внутренней эмиграцией.

Однако если бы мы буквально поняли все эскапистские заявления и поступки поэта, то от него следовало бы ожидать удаление в башню поэтического богословия, подобно тому, как это совершили некоторые поэты Серебряного века. Но поэзия И. Бродского ни на миг не превращалась в зеркало, отражающее лишь другое зеркало. Он всегда был бесконечно далек от искусства для искусства, оставаясь поэтом, глубоко чувствующим окружающую жизнь. Именно этот всем посторонний «отщепенец» наиболее реалистично отразил духовное состояние современных ему обществ — американского и советского, преломив их отражение через мировосприятие индивида, изо всех сил старающегося сохранить автономию своих мыслей и чувств между Сциллой западной буржуазности и Харибдой советского бюрократизма.

Один известный, недавно умерший поэт Борис Рыжий, чтобы познать жизнь, занимался социальным туризмом: нисхождением в «народ», подражанием далеко не лучшим его качествам, что неизменно заканчивалось возвращением в благоустроенную квартиру и к интеллигентным друзьям. И. Бродскому было чуждо это лицемерие — он просто жил. Он не нуждался в том, чтобы вымучивать себе судьбу. Его

судьба была его поэзией. И его поэзия обладала такими свойствами, что те общества, в которых он жил и творил, — советское и американское — реагировали на нее так, что происходили события, совокупность которых принято называть «судьбой».

Так вот, может показаться, что И. Бродскому удалось добиться мировой значимости своего творчества только благодаря этой эскапистской свободе, которую он выражал в формальных приемах отрицательного свойства (отрицательного по отношению к социальной действительности). Например, во «внеисторических» клише: отсылках к античности, христианству. В употреблении таких ходульных абстракций, как «тиран», «империя» и т. д.

Но какое отношение к рабовладельческой античности имеет человек, в принципе не приемлющий любое унижение человеческого достоинства?

Какое отношение имеют к христианской догматике взгляды поэта, смело утверждающего примат эстетики над моралью и другими проявлениями человеческого сознания, стало быть, в том числе и над верой? Ибо неприязнь к тиражированию образа (по воспоминаниям поэта, отправная точка его инакомыслия, пережитая им еще в детстве) может повлечь за собой не только неприязнь к Ленину и другим советским вождям, но и к Иисусу Христу. Не ту же ли самую мысль высказывает Д. Кедрин в драме «Рембрандт»? Умирающий художник глядит на поднесенное пастором распятие и шепчет кощунственные слова: «Как плохо нарисован этот Бог!» Бог для истинно верующего не может быть «плохо нарисован». Либо он — не верующий, либо это — не Бог. Молятся и на бездарную икону, потому что она — свята. А святое — выше красоты, выше эстетики. Как об этом честно написал православный философ А. Ф. Лосев: «Не только “изящное искусство”, но и все искусство с Бетховенами и Вагнерами есть ничто перед старознаменным догматиком... тропарем и кондаком; и никакая симфония не сравнится с красотой и значением колокольного звона» [Лосев, 1991, 98].

Религия или идеология, любое «массовидное» сознание ставят себя выше эстетического измерения человеческого бытия, что означает, согласно поэту, выше самого человека. Оно как детище бездарности «абстрагируется от таланта» (выражение К. Маркса), и потому только для поэта неприемлемо. Каждый, кто внимательно читал Л. Фейербаха и К. Маркса, увидит в этой мысли перекличку с их критикой религии. Но в случае с И. Бродским было бы весьма опрометчиво это утверждать. Атеизм он воспринимал как часть ненавистной ему советской идеологии и, конечно, с гневом (а может быть, и со смехом) отверг бы все подозрения в атеизме. Отверг, чтобы затем восстановить его содержание, хотя бы отчасти, но уже в другой идейной форме. Так талантливейшие представители советской диссидентской культуры в ходе своей идейной эволюции если не преодолевали сами вышеупомянутую идеологическую сублимацию, то по крайней мере создавали идейные предпосылки для ее преодоления.

Очевидно, что И. Бродский наполняет используемые им культурные (христианские, античные) клише смыслами вполне современными, теми, которые стали актуальны именно во второй половине XX в., во многом даже, как мы видим, опережая своих современников в постижении истин человеческого существования.

И центральный пункт этих смыслов есть отстаивание самоценности человеческой индивидуальности («частности», как он выразился в Нобелевской лекции), вне и помимо которой красота, считает поэт, невозможна. Именно в этом — основная идея социальной философии И. Бродского, если вообще позволительно находить таковую у поэта. Как существенное — несущественному человеческая индивидуальность противопоставляется им государству, режиму, идеологии, массовой культуре. Все это, согласно И. Бродскому, — обезличивающие силы. Причем неважно, каковы они конкретно. Его «тиран» — это не только Сталин или Хрущев, но, вне всякого сомнения, и сенатор Маккарти, и рекламщик-манипулятор, творец кича. Реверансы в сторону американской демократии относительны. Они обусловлены советским опытом; нет повода упрекнуть поэта в том, что жизнь в Штатах развила у него социальную слепоту и он в эмиграции перестал отличать пошлость от подлинной красоты.

Таким образом, декларируемое И. Бродским «отсутствие» — это на деле не уход в спекулятивные и метафизические сферы, что поспешили констатировать его идеалистические комментаторы, а «только лишь» отстраненность от всего, что подавляет личность. В действительности же такая позиция есть п р и с у т с т в и е человека. Причем человека не абстрактного, а «вот этого» конкретного человека конкретной исторической эпохи, выходца из конкретной среды и культуры. Отвлекаясь от репрессивных социальных связей, поэт находил опору в связях созидательных — в эмпирических универсальных культурных формах, каким для него был в первую очередь я з ы к . В Нобелевской речи он прямо говорит о языке, о литературе как модели равных, горизонтальных человеческих отношений, исключая всякую социальную или небесную вертикаль, возвышающуюся над индивидуумом. Зависящий от языка и вместе с тем творящий его поэт в понимании И. Бродского есть не только и не столько увеселитель, а главным образом преобразователь человеческих отношений.

И. Бродский напомнил нам максиму Вольтера: какими бы страшными ни были условия твоей жизни, «возделывай свой сад»! Именно острым переживанием отчужденности индивидов друг от друга, бескомпромиссным противостоянием этим обезличенным социальным формам и верностью общечеловеческой культуре И. Бродский выразил все самое ценное, что было у человека его эпохи. Эпохи, бывшей настоящей трагедией, а настоящая трагедия — та, в которой гибнут, вопреки нашему поэту, не только герой или хор, но и зрители вместе с актерами.

Абсолютно лишены смысла дискуссии о том, какой И. Бродский поэт — русский или американский, содержание какой религиозной конфессии выражает его творчество — православной ли, иудейской ли, а может, протестантской. Подлинное искусство интернационально, надконфессионально, равно как и надклассово. Оно потому и является подлинным искусством, что преодолевает национальные, религиозные, классовые рамки. Оно просто ч е л о в е ч н о .

Беда многочисленных эпигонов поэта, расплодившихся на его Родине в конце 1980-х — 1990-е гг., не столько в том, что они были бесталанны. А скорее в том, что их попытки развивать его поэтику совершались уже в иных исторических ус-

ловиях, в другой идейно-психологической ситуации, когда накал противостояния свободомыслящего и свободно живущего индивида и государства поостыл вследствие известных социальных перемен. И, не имея возможности содержательно обновить тематику своего учителя в рамках русского стихосложения (для этого еще не накопилось достаточно социального опыта), они могли только бесконечно воспроизводить его технические приемы, декларируя при этом приверженность «чистому искусству» — чистому именно потому, что сказать-то было пока еще нечего.

Ценностные ориентиры поэзии И. Бродского дают право видеть в нем продолжателя великой традиции, для которой высшими ценностями были как раз свобода и уникальность человеческой индивидуальности, традиции, представленной именами таких разных, но в чем-то очень похожих мыслителей, как Эразм, М. Лютер, Вольтер, С. Кьеркегор, Л. Фейербах, М. Штирнер, К. Маркс, Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Фромм...

Вискунов С. Лабиринт духа. Судьбы общественной мысли России XX века [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.koryakovtsev.narod.ru.

Коряковцев А. Хроника одной трамвайной поездки // Урал. 1999. № 5.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.